

Некрасов, С.И. Аграрное образование: социально-экономические предпосылки модернизации и факторы риска [Текст] / С.И. Некрасов // Профессиональное образование и рынок труда. – 2013. – Спецвыпуск – С. 4–7.

АГРАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ФАКТОРЫ РИСКА

С.И. Некрасов, директор Каменск-Уральского агропромышленного техникума, канд. пед. наук, член-корр. Академии профессионального образования
e-mail: agrodirektor@gmail.com

Объективные реалии времени наглядно демонстрируют нам, как ядром существования и развития современной государственности непреложно становятся эффективные экономические стратегии. Именно факторы точного прогноза и планового осуществления развития национальных экономик выводят страны на передовые позиции в мире, обеспечивают их непосредственное влияние на глобальные процессы цивилизации (Германия, Япония, Китай). Наоборот, при ошибочной экономической политике, даже сильное государство рискует достаточно быстро оказаться на краю гибели – и тут уже не помогают ни всплески патриотического настроения его граждан, ни дипломатические усилия правительства (Греция, Кипр).

Основным результатом деятельности российских макроэкономических реформ двух последних десятилетий явилось формирование системы рыночных отношений. Реализация столь масштабного и радикального по своей сути плана повлекла за собой множество социально-экономических последствий, одним из которых явилась необходимость в наличии у страны стабильных внешнеэкономических связей для обеспечения устойчивости развития собственной рыночной экономики.

Общеизвестна точка зрения, что наиболее коротким путем успешной интеграции любого государства в мировую экономику является его вступление

во Всемирную торговую организацию. Возможность присоединения к ВТО России обсуждалась без малого 18 лет на самых различных уровнях – и все эти годы **принятию положительного решения во многом препятствовали разногласия именно в сфере агропромышленного комплекса и продовольствия**. То Польша, недовольная нашим запретом на ввоз некачественного мяса, заявляла о том, что заблокирует вступление России в ВТО, то проблемы с ввозом в Россию куриных окорочков и другого мяса, а также вопросы защиты интеллектуальной собственности становились препятствием в переговорах с США. Украина после своего вступления в ВТО в 2008 году потребовала отмены квот на ввоз в Россию своего сахара и спирта, поскольку это якобы являлось механизмом «скрытого субсидирования» внутрироссийских товаропроизводителей. Да и другие страны регулярно высказывали в наш адрес массу претензий: по экспортным пошлинам, по размеру государственной поддержки различных отраслей сельскохозяйственного производства и т.п. [3].

Внутрироссийская дискуссия о том, нужно ли стране для благополучной интеграции в глобальную экономику вообще торопиться вступать в ВТО, по большому счету закончена так и не была. Тем не менее, не смотря на отсутствие консолидированного мнения по данному вопросу, в августе 2010 года, все-таки, был начат, а в декабре 2011 года завершен решительный штурм ВТО: **Россия пошла на уступки по, пожалуй, самому острому вопросу в переговорах – субсидированию сельского хозяйства**, и стала-таки 156 членом клуба мировой торговой элиты. В соответствии с согласованным планом уровень государственной поддержки агропромышленного комплекса России на 2012 года был оставлен прежним (9 млрд. долларов в год), однако определено, что размер помощи сельхозпроизводителям должен быть планомерно сокращен до 4,4 млрд. долларов к 2017 году.

Данное компромиссное решение стало важным достижением западных «переговорщиков», за которое они бились много лет. Решение, которое, по мнению профессора НИУ ВШЭ Светланы Барсуковой, в свою очередь,

приведет к снижению доли российского экспорта на мировом аграрном рынке с 1,3% до 1% и росту доли импорта продовольствия с 1,9% до 2,3%. Кроме того, по оценке экспертов Всемирного банка в результате вступления в ВТО объем производства сельхозпродукции в России сократится на 3%, экспорта – на 6%, а импорт продовольствия увеличится на 11%. При этом число занятых в сфере сельхозпроизводства также уменьшится – на 3% [2].

О чем свидетельствуют данные сухие цифры?

Весьма похоже, что за членство в ВТО и соответствующее право пользоваться режимом определенного благоприятствования во внешней торговле стране придется «расплачиваться» во внутреннем масштабе, скрупулезно соблюдая правила, предусмотренные в нормативных документах этой организации. Размышляя об этом, необходимо принять к сведению, что крупные страны-импортеры, несомненно, получают огромную выгоду от снижения торговых барьеров, препятствующих их выходу на рынки других стран. Так же определенные преимущества получают и, ставшие членами ВТО, развивающиеся страны, поскольку росту их внешней торговли способствуют специальные дифференцированные режимы, установленные этой организацией.

В тоже время мировая практика показывает и то, что на этом пути ***труднее всего приходится государствам, не до конца преодолевшим последствия системного кризиса при переходе от централизованно управляемой экономики к рыночной.*** Для таких стран необходимость либерализации торговли, снижения или устранения торговых барьеров, отказ от экспортных субсидий, от квотирования импорта и прочих мер протекционистского характера оказывается весьма болезненной.

Для реализации задачи по достижению Россией необходимого уровня конкурентоспособности на мировых продовольственных рынках потребуются значительные и последовательные усилия по изменению существующих подходов к развитию своего агропромышленного комплекса, его инфраструктуры, к формированию цивилизованного рынка аграрного труда. Но и даже при этом результативность данных усилий, в случае вступления страны

в ВТО, будет объективно находиться в прямой зависимости от кризисов мировой финансовой системы, что в свою очередь, негативно отразится на вопросах нашей продовольственной безопасности. Таковы отягчающие, но абсолютно реальные перспективы нашего развития в рыночной среде [5].

Присоединение страны к ВТО, необходимость повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, задачи по качественному изменению инфраструктуры и схем финансирования аграрного труда – эти и другие разноплановые аспекты развития современной России ставят перед аграрным образованием серьезные задачи: время диктует необходимость подготовки рабочих кадров и специалистов с высоким уровнем теоретических знаний и прочными практическими навыками, способных быстро адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям. Такие кадры должны быть готовы не только стабилизировать (а укрепив позиции – поднять!) производство сельхозпродукции и усовершенствовать цикл ее последующей переработки, но и **взять на себя ответственность за социальные и экономические изменения в аграрном секторе государства**, обеспечив, таким образом, не только реальную продовольственную безопасность государства, но и достойную жизнь его сельского населения.

В связи с этим, естественным образом, поднимается важнейший вопрос об условиях и перспективах внедрения требующихся в аграрном образовании изменений: на что и на кого в этой – одной из наиболее сложных сфер профессионального образования – мы вообще можем рассчитывать?

К сожалению, внимательное изучение нового Закона «Об образовании в РФ», свидетельствует о том, что особо рассчитывать тут особо не на что. Разрабатывавшие законопроект (как впрочем, и в случае с вступлением страны в ВТО) не удосужились ни консолидировать в этом вопросе общественность; ни услышать аргументированную критику со стороны ученых, профсоюзов, объединений работодателей; **ни до конца осознать губительность последствий не до конца просчитанных прогнозов**. Девальвируя миссию профессионального образования до обслуживания интересов конкретного

работодателя, новый закон не просто не дает ответов на назревшие в сфере аграрного образования вопросы – дается прямая установка на то, что вершиной образования может быть только вуз, а трактористы, сварщики или лесники стать специалистами не могут по определению. Их успешная самореализация в социуме невозможна, ущербна. На этом фоне говорить о сельских рабочих династиях становится просто неприлично, т.к., настоящих мастеров с «довузовским» образованием видимо не может быть априори. Вместо этого, под флагом Болонского процесса в образовании вообще, и в аграрном в частности, активно ищется место для «прикладного бакалавриата», «прикладных квалификаций», но при этом большинство педагогического сообщества толком даже не понимает: прикладных к чему? Наверное, было бы логично, если бы к чему-то фундаментальному и очень стратегически важному...

Однако вопреки данной логике имеются серьезные опасения, что фактический развал преемственности и самой системности в структуре аграрного образования, накладывающийся на абсолютно необоснованный секвестр системы начального профессионального образования, будет иметь для сельского хозяйства самые губительные и необратимые последствия.

Если из кабинетов, расположенных в центре Москвы, тем, кто писал закон, «не видны заводские цеха» и «не слышны предупреждения лучших менеджеров современной российской экономики о существующей деградации национальной элиты рабочих кадров» [4] – то абсолютно понятны и причины, почему проблематика аграрного образования в законе просто-напросто проигнорирована. Между тем, всем нам, наверное, следовало бы разобраться и понять, что, несмотря на наличие серьезных инновационных прорывов в современных агропромышленных технологиях – традиционные (на уровне начального профессионального образования) технологические приемы в сфере сельскохозяйственного производства до сих пор пока еще никто не отменял.

Безусловно, для экономики XXI века такая постановка вопроса не совсем однозначна и в перспективе все это каким-то образом будет и должно решаться.

Но что делать уже завтра – при наличии на селе той массы социальных проблем, которые зачастую *не позволяют молодежи преодолеть ценз даже полного общего образования?* В условиях, когда в настоящем мы имеем проблему вымирания крестьянства как самостоятельного класса, не слишком ли широко (рано?) мы замахнулись по части формирования высоких компетенций у сельчан, получающих специальность (профессию или просто определенную квалификацию) для трудовой деятельности в сельском хозяйстве сегодняшнего дня или на самую ближайшую перспективу?

При этом в полной ли мере учитываем мы и то обстоятельство, что между сельской молодежью, на которую мы рассчитываем при разработке своих проектов, и обществом, развивающемся в условиях рыночной экономики, за годы реформ оказалось разрушенным необходимое равновесие. Новая социальная и экономическая политика, к сожалению, так и не сделала сельскую молодежь опорой государства в модернизации агропромышленного производства, в развитии социальной сферы села, включая становление малого и среднего предпринимательства.

В условиях, когда городская молодежь жить и работать на село в ближайшее время абсолютно точно не поедет, мы еще имеем и тенденцию к тому, что, согласно результатам социологических исследований, уровень общего оптимизма у сельской молодежи в возрасте от 14 до 24 лет при вступлении в самостоятельную жизнь уже крайне невелик (48,8%), да и то основывается на переезде из сельской местности в город. Половина учащихся выпускных классов сельских школ (47,9%) сегодня не заинтересована в трудовой подготовке по сельскохозяйственному профилю, только 15,7% изъявляют желание быть высококвалифицированными специалистами и лишь 9,1% – стремятся к получению сельскохозяйственной профессии [1].

Откуда же тогда должен взяться тот инновационный потенциал, те производительные силы, которые, получив необходимый уровень образования, обеспечат решение стоящих перед аграрной сферой государственной

экономики задач и обеспечат позитивное продвижение российской экономики в хитросплетениях мировой интеграции?

По мнению профессора М.П. Гурьяновой, ***важнейшим критерием такого инновационного потенциала является осознанный жизненный выбор молодыми людьми своего села как места постоянного жительства.*** Ведь не смотря ни на что, в российском селе пока еще, на сегодняшний день, насчитывается примерно до 20% молодых людей, которые видят в числе главных жизненных приоритетов крепкую и дружную семью; в пределах 12% от общего количества опрошенных находится желание молодежи стать самодостаточными и независимыми людьми, иметь верных друзей [1].

Тем больший резонанс в обществе получило осознание того, что несет в себе новый Закон «Об образовании в РФ» в плане перспектив модернизации именно аграрного сегмента профессионального образования. Кроме общих, связанных с неуравновешенностью принципов финансирования образовательных учреждений в зависимости от их типа и ведомственного подчинения, нормативной неурегулированностью информационно-образовательной политики и нечеткостью подходов к проблематике разработки и реализации государственных образовательных стандартов, мы имеем и целый ряд других неутешительных выводов, касающихся:

- отсутствия целостной стратегии сохранения и развития сельских малокомплектных школ, что не только нарушает права сельского ребенка на образование, но и представляет серьезную угрозу национальной демографической безопасности, создавая огромные пустующие территории;

- отсутствия комплекса мер по повышению имиджа сельских педагогов, что неминуемо ведет к дальнейшей эскалации напряженности с организацией процессов сохранения и подбора высококвалифицированных педагогических кадров для работы на селе;

- нерешенности проблемы организации питания сельских детей, чьи родители в своем большинстве по уровню дохода сегодня уже находятся на грани или за чертой бедности и т.д.

В новом законе так и не решены вопросы повышения заработной платы мастерам производственного обучения сельскохозяйственным профессиям. Между тем именно мастера производственного обучения сельхозпроизводству организуют учебно-производственный процесс непосредственно на полях и производственных базах сельхозпредприятий в режиме максимального соблюдения современных агротехнологий и трудовых функций в режиме реального времени с учетом сезонности сельскохозяйственного труда, что делает их педагогический труд поистине эксклюзивным.

Не в законе, ни даже на этапе его обсуждения снова ни коим образом не был даже затронут вопрос о мерах субсидирования сельским образовательным учреждениям расходных учебных материалов (семенной фонд, горюче-смазочные материалы, удобрения и т.п.) – видимо как и ранее они будут вынужденно приобретаться в торговых сетях ввиду того, что с юридической точки зрения учебные заведения товаропроизводителями не являются.

Приведенные примеры и соответствующие выводы свидетельствуют сами за себя. Получается, что общая деятельность педагогического сообщества в лице общеобразовательной и профессиональной школы, сельской семьи и сельских администраций по включению подрастающего поколения в сельскохозяйственный труд сегодня не подкрепляется весомыми мерами государственной поддержки. Естественно, что эта деятельность и не получает дальнейшего развития в производственной сфере села, не сказывается на системном притоке молодежи в сферу сельскохозяйственного производства.

Именно в связи с этим процессы и условия модернизации аграрного образования, при наличии всех имеющихся к этому предпосылок, вызывают серьезную тревогу и опасение. Поставленные перед аграрным образованием задачи слишком локальны и не основываются на сбалансированном комплексном решении реальных экономических и социальных задач внутри агропромышленного комплекса в целом. Кроме того, вывод сельских территорий на качественно новый уровень развития исключительно экономическими методами вряд ли возможен вообще, если государством не

будет учитываться *безусловная важность сохранения природно-ресурсного и историко-культурного потенциала сельской местности*. Наделение сельской экономики чисто экономическими функциями вообще опасная тема.

После распада Советского Союза на волне демократии мы открыто посмеивались над «производством ради производства». А так ли это смешно? Цена этого смеха – тысячи наркоманов, миллионы потерявших смысл существования и моральный облик сельских жителей. Так только в южной части Свердловской области на месте существовавших до перестройки трех крупных совхозов (это 12 самостоятельных производственных отделений, более 20 сел и деревень), где жили и трудились несколько тысяч крестьянских семей, сейчас находится одно (!) единственное сельхозпредприятие. Агрофирма использует новейшую импортную технику и является флагманом среди товаропроизводителей в регионе. Но штат-то агрофирмы составляет всего 40 человек, из которых до 80% – это сезонные рабочие! Благодаря современным агротехнологиям, объем производства зерна у этого предприятия такой же, как и при колхозно-кооперативном строе и это далеко не предел дальнейшего повышения производительности труда.

Правда к «побочным эффектам» данного процесса относится то, что из 20 деревень на данной территории в настоящее время 7 уже совсем не существует, а среднестатистический социальный портрет представителя российской глубинки сегодня может увидеть каждый желающий, заехавший в любую, пока еще оставшуюся на карте, деревню: нищета, бродяжничество, алкоголизм... Крестьянство вымирает как социальный слой на генетическом уровне и этот процесс уже зашел за все мыслимые критические отметки. Наделение экономики только экономическими функциями – опасное дело для села, но еще опасней – превращение аграрного образования в придаток этой самой экономики.

Сегодня, для того чтобы не только избежать окончательной дестабилизации социально-экономической ситуации на селе, но и получить необходимый для эффективного осуществления запланированных реформ

«кредит доверия» его жителей, в первую очередь, необходимо сосредоточиться на том, чтобы в значительно большей степени, чем раньше учитывать общественное мнение при принятии решений любого значения и уровня. При этом **недопустимо игнорирование мнения не только широких слоев сельского общества, но и его меньшинства, нередко объединенного не только достаточно креативными идеями, но и реально способного претворить их в жизнь.**

Во-вторых, необходимо, чтобы мы в самые кратчайшие сроки «пропустили через себя» и на деле признали объективную необходимость реализации продекларированной, как на федеральном (Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года), так и на региональном уровнях (областная целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса и сельских населённых пунктов Свердловской области («Уральская деревня») на 2012–2015 годы» и др.) идеологии действительно **комплексного сбалансированного развития агропромышленного комплекса, сельских территорий, а также соответствующих им сел и деревень одновременно.**

Третье. Необходимо четко понимать, что для получения позитивного результата сегодня и этого уже недостаточно. Недостаточно в силу того, что развивающийся агропромышленный комплекс уже никогда не предоставит селу необходимое и достаточное количество рабочих мест для всех его жителей (если следовать государственной политике в области демографии направленной на сохранение и развитие сельского уклада жизни). Кроме того, принимая данное утверждение за аксиому – необходимо сделать и лежащий прямо на поверхности вывод: **на селе точно также как и сельское хозяйство необходимо целенаправленно развивать другие (альтернативные, сопутствующие и др.) виды экономической деятельности.** На повестку сегодняшнего дня следует ставить вопрос планомерной «индустриализации села». Индустриализации и как экономической категории, и как приоритетного направления в развитии современного обновляющегося села.

Задачи аграрного образования в данном контексте должны быть связаны с необходимостью реструктуризация сети образовательных учреждений в сторону расширения их возможностей и функций. Безусловно, это касается и значительных изменений в направленности, структуре и содержании самого образовательного процесса, требующих:

- создания сетевых моделей взаимодействия учреждений общего и профессионального образования по профильному обучению и предпрофильной подготовке учащихся общеобразовательных школ;

- придания проводимой (совместно с потенциальными работодателями) профориентационной работе фона обязательной социальной ответственности;

- расширения спектра дополнительных образовательных услуг и опережающего обучения для высвобождающихся рабочих (специалистов) в связи с модернизацией технологий сельскохозяйственного производства;

- обучения и переобучения малоквалифицированных сезонных рабочих, обучения в рамках отдельных профессиональных квалификаций;

- организационно-правового и экономического консультирования по вопросам бизнес-планирования, обустройства собственных приусадебных хозяйств и производства;

- внедрения системы независимой оценки качества образования и т.д.

Вопрос даже не в том, сможем ли мы использовать систему аграрного образования в качестве своеобразного генератора, способного инициировать позитивные изменения в сельской экономике и сложившемся укладе сельской жизни – мы однозначно обязаны попытаться это сделать. Но вот успеем ли?

Литература:

1. *Гурьянова, М.П.* Инновационный потенциал сельской молодежи [Текст] / М.П. Гурьянова // Профессиональное образование. Столица. – 2011. – №2. – С. 13–16.

2. Вступление России в ВТО противоречит интересам российских сельхозпроизводителей / Экспертный портал Высшей школы экономики –

06.12.2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://www.opes.ru/1444745.html>, свободный.

3. Когда Россия вступит в ВТО? / Крестьянские ведомости: газета агробизнеса – 08.10.2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.agronews.ru/Obzor>, свободный.

4. Кого догоняет Россия? / Профессиональное образование. Столица. – 2011. – №2. – С. 1.

5. Общие сведения о принципах и процедурах ВТО / сайт Общероссийской общественной организации «Сельская Россия» / офиц. текст по состоянию на 22.12.2010г. [Электронный ресурс] // Режим доступа:
<http://www.selros.ru/content/864/obshchie-svedeniya>, свободный.